

SCENY Z ŻYCIA
MAŁŻEŃSKIEGO

---

*Сцены из
супружеской жизни*

— Безответная любовь, знаете, это страшное мучение. Особенно та любовь, которая когда-то была смыслом жизни, а теперь вот сгорела. Умерла. Безвозвратно.

Иногда я думаю, что безответная любовь — даже худшее мучение, чем ненависть. Когда ненавидишь, по-настоящему желаешь только одного: чтобы объект твоей ненависти страдал. Жаждешь его страдания в любом виде. Его боли, унижения, валящихся на него несчастий, болезней, а в крайнем,

близком к помешательству случае — даже смерти. Ненависть и желание мести, знаете, это чувство очень простое. Такое доступное каждому, потому что предельно ясное. Искреннее, честное и однозначное. Как плюс и минус. Как черное и белое. Ненависть, знаете, это ерунда. А вот разлюбить, когда тебя продолжают любить, — вот это сложно. После всех обещаний, что давали друг другу. После тех секретов, которыми делились и днем и ночью. После всего... Очень трудно, прошу прощения.

Мы сидим на скамеечке в парке и беседуем. В нескольких километрах от центра Кельна. Это «для безопасности, подальше от его обычных маршрутов, — в последнее время он непредсказуем».

Он — это ее муж. Роберт. Она познакомилась с ним несколько лет назад. Тогда она училась в Тюбингене, но на выходные всегда приезжала навещать родителей в Кельн. В одну из ноябрьских суббот она стояла на остановке около вокзала под дождем. Он подошел к ней со своим раскрытым зонтиком, коснулся ее плеча и сказал: «Вы совсем

промокли. Вы позволите мне постоять рядом с вами?» Она вспоминает, что с той субботы он стал еще одной причиной ее возвращений домой на выходные, а потом — она приезжала в Кельн в основном из-за него. Через полгода она впервые призналась ему, что любит. Это произошло как-то утром, когда она лежала, прижавшись к нему, и слушала его спокойное дыхание.

— Когда мы после свадьбы возвращались домой, я чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Я буквально помешалась на нем. Хотела стать для него идеальной женой. И ведь спустя некоторое время стала такой! И мы постепенно превращались в семью. Я родила первого сына, через несколько лет второго. Я работала, готовила, стирала, убирала, гладила, воспитывала детей, следила за домом, а иногда и занималась строительством его. По вечерам я садилась на диван рядом с мужем и держала его за руку, а ночами в спальне, если не падала с ног от усталости, выполняла все его сексуальные фантазии и желания. Точно не могу вспомнить момента, когда я начала чувствовать себя запертой в клет-

ке. Это как-то незаметно вползло в нашу жизнь несколько лет назад. Каждый мой выход, не важно — по работе или с подругами, он воспринимал как факт грубейшей супружеской нелояльности. Я обязана была после работы немедленно возвращаться домой и проводить все свое свободное время исключительно с ним и детьми. Я любила его, поэтому считала эти требования проявлениями его безграничной любви ко мне. И соглашалась им следовать — для спокойствия. Отказываясь от своих собственных желаний и стремлений, я испытывала разочарование. Но внутреннего протеста еще не было. Это пришло позже.

Помню, однажды я поехала с подругой на концерт в филармонию в Мюнхен. На время концерта я выключила телефон. А когда включила, обнаружила, что он звонил мне за это время сорок раз! Когда в конце концов я взяла трубку, то узнала о себе, что я «бездушная, безответственная, что я оставляю его и детей ради каких-то глупостей и что я должна немедленно это прекратить». А потом он потребовал, чтобы моя подруга взяла трубку и под-

твердила, что находится рядом со мной, ибо у него «имеются кое-какие подозрения».

Помню, что в тот момент я чувствовала себя униженной всем этим абсурдом. Тогда, наверно, впервые и ощутила внутри себя протест.

А к его подозрительности прибавилась болезненная ревность. Не раз бывало, что по утрам мне приходилось срочно переодеваться, потому что он считал мой наряд «вызывающим и слишком откровенным, вульгарным, как у проститутки, собирающейся на панель». Любой мужчина, так или иначе появляющийся в моей жизни, представлялся ему моим потенциальным любовником: коллега, проводивший меня до метро после работы, официант, позволивший себе невинный комплимент в мой адрес. Через некоторое время я обнаружила, что он просматривает мой мобильный телефон, шарит в моей сумке, читает адресованные мне письма. К моим подругам он относился враждебно и говорил, что «им нужно заниматься своими мужьями и детьми, а не лезть в чужую нормальную семью».

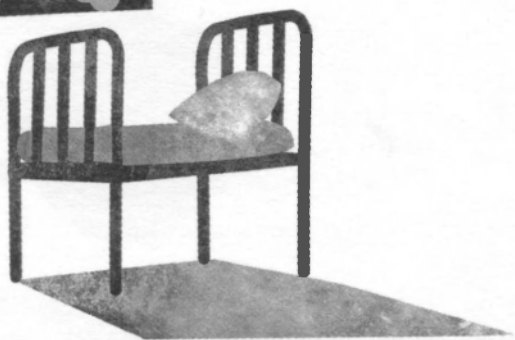
А тем временем мы переставали быть той самой нормальной семьей. Я постепенно превращалась в пленницу. Я пробовала разговаривать, просить, убеждать, ругаться. Каждый раз это кончалось скандалами. Все чаще я видела слезы в глазах своих сыновей. Во время одного из таких скандалов он поднял на меня руку. Я переставала его любить. И начала его бояться. А через два года, поняв, что больше не испытываю по отношению к нему ничего, кроме страха и раздражения, я взяла детей и уехала к родителям.

Он приходит туда. Почти каждый день. Я не возражаю, потому что мальчики любят его и он им нужен. Иногда мы разговариваем. Он хочет «все починить и начать сначала». Без конца повторяет, что любит меня. И вот когда он весь такой добрый, хороший, как раньше, и когда я вижу в его умоляющих глазах слезы — вот тогда мне очень плохо. Потому что я вспоминаю этот его зонтик, которым он засллонил меня от дождя, и мое захлебывающееся счастье после нашей свадьбы, и прикосновение его рук к моему животу, когда я носила наших детей.

Но это все лишь воспоминания. Он убил во мне
что-то очень важное, что-то, чем я очень дорожила.
Я его больше не люблю...

MOJA BLISKOŚĆ
NAJWIĘKSZA

—
*Моя величайшая
близость*

Все хорошо, Заблутшка Ты моя. Правда, все очень хорошо.

Я знаю, Ты мне звонила. Двадцать шесть раз.

Со вчерашнего полудня и до сегодняшней полуночи. Ты оставила мне восемнадцать сообщений о том, как Ты беспокоишься. Я подозреваю, что сообщений было больше — двадцать шесть, но у меня телефон старой модели — он не выдержал и отключился на восемнадцатом. И бог с ним. Прежде чем перейти к сути дела, я попробую немножко оправдаться. И вовсе я не уехала, даже не попрощалась! Ты просто забыла. Или не обратила внима-

№ - 199 107 - 1

ния. Я обняла Тебя на лестнице, когда мы спускались к моей машине, и прошептала Тебе на ушко, что поеду на море, потому что мне очень нужно. А Ты, наверно, подумала, что в декабре на море ездят только пенсионеры с астмой или ревматизмом и что это какой-то бред. И обняла меня еще крепче.

Ты всегда так делаешь, когда Тебе кажется, что я говорю глупости. Или еще, бывает, кричишь на меня.

Но в этот раз это были никакие не глупости. Я от Тебя поехала прямо на море. Несколько сотен километров как короткая минута. К нему...

Ты не знаешь его. Я и сама его пока толком не знаю. Хотя за год уже второй раз с ним на море была. Но пока я знаю только, как он дышит, когда читает мне вслух книжку, лежа в постели и обнимая меня. Мир вокруг для него тогда не существует. Только мир этой книги. И еще я знаю, как он дышит, когда вдруг откладывает в сторону книгу и начинает целовать мою спину и ягодицы...

Тогда для него Вселенная не существует. И он все время спрашивает, причем всегда чуть-чуть, на пару секунд позже, чем надо: «Можно?» Вот уже почти год

все время спрашивает: «Можно?» И не ждет ответа, а делает то, что хочет. Никогда не забуду, как он спросил меня первый раз. Спросил разрешения на все. И ничего, ни единого пункта из списка грехов не упустил. А я на все соглашалась. В основном из нетерпеливого любопытства узнать — что же будет дальше?

Я знаю, что Ты сейчас полна подозрений.

Я не говорила Тебе о нем. Потому что мы о мужчинах вообще разговариваем только так, между прочим. Ты к мужчинам, которые ко мне «принюхиваются», относишься очень подозрительно. Это все из-за Твоей Тревоги — с большой буквы Т, — как бы меня опять не ранили. А уж если мы о мужчинах все-таки начинаем разговаривать, то я себя чувствую немножко как на допросе.

«Зачем Ты его встретила?!»

Так это он меня встретил. Зацепил по пути к «очень важному месту». Это он сам так говорит. Я шла из магазина, а около меня остановился большой черный автомобиль.

Сидящий в нем мужчина спросил, как выбраться из нашего микрорайона на автобан. Я наклонилась

к окну и стала ему объяснять. Он делал вид, что слушает, хотя сам только смотрел на меня. Соврал, что все понял, и поблагодарил.

Я все никак не могла забыть его взгляд, а он плутал по микрорайону. И снова попал на меня. Я вырвала листок из записной книжки и нарисовала ему дорогу. Тогда он посмотрел мне в глаза и спросил, поеду ли я с ним во Вроцлав. Я не могла понять: то ли он меня с кем-то перепутал, то ли слишком дерзок.

На обороте листка, который я вырвала из записной книжки, оказался мой электронный адрес. В первом своем письме он написал, что «на обороте было самое важное». В трех последующих письмах мы с ним были сдержанны и открывались друг другу постепенно, утаивая истинные желания и секреты. А в пятом письме он неожиданно спросил меня, можно ли ему помыть мне волосы. И я согласилась. Тогда он впервые меня виртуально раздел и рассказал о своих планах относительно каждой части моего тела. И мы оба пошли в ванную под душ. Каждый в свою ванную под душ, на расстоянии восьмисот девяносто двух километров друг от друга.

На следующее утро в своем шестом письме он написал, что не успел помыть мне волосы, и спросил, слышала ли я его шепот и «касалась ли я себя тоже». Смутившись, я солгала, что я не понимаю, о чем он говорит. Потом, четыреста восемнадцать писем и восемь месяцев двадцать четыре дня спустя, мы с ним встретились. В гостиничном номере, на четвертом этаже, с видом на море.

«Но почему же именно он?»

Ты знаешь, что Ты скучная? Каждый раз Ты спрашиваешь одно и то же. Ты только об одном мужчине не спрашивала. О самом главном. О моем муже. Видимо, в него я действительно настолько сильно и опасно была влюблена, что даже Ты прикусила язык. А может, если бы тогда Ты спросила, то сегодня все было бы иначе и я не поехала бы ни на какое море одна?

Но я поехала к нему.

Как девственница, одурманенная наркотиками.

Он меня ждал.

Когда я вошла в гостиничный холл, он подал мне руку и ничего не говорил. Только смотрел мне в гла-

за. Посадил меня на подоконник в ванной и поцеловал. А потом, прежде чем я успела сказать ему что-то важное, он осторожно вытянул из меня тампон. И мне совсем не было стыдно, представляешь? А когда под душем он мыл мои волосы, я вдруг подумала, что знала его всегда.

И потом, в постели, я хотела ему это прошептать на ухо, но он совсем не хотел слушать. Он трогал губами мои малые и большие губы, И я, совершенно обезумев и почти потеряв сознание, случайно укусила его. До крови. И в тот момент, когда он кончал, я, попробовав его вот так на вкус, почувствовала, как он дрожит, — и в эту секунду поняла, что это и есть величайшая близость. И утром я ему об этом сказала.

И теперь уже я хочу говорить ему это всегда. Вот поэтому именно он. Понимаешь?

